

ГЛОБАЛЬНОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО И ПРОБЛЕМА ДОСТУПА К МИРОВЫМ ИНФОРМАЦИОННЫМ РЕСУРСАМ

*Гирич В.Л., Чуприна В.Н.
Национальная библиотека Украины
им. В.И. Вернадского, Киев, Украина*

Вступление мировой цивилизации в XXI в. характеризуется стремительной диффузией *информационно-коммуникационных технологий (ИКТ)*. В 2000 г. в мире насчитывалось всего 246 млн пользователей Интернета, к 2007 г. их количество превысило 1 млрд [1]. Интенсивная компьютеризация и информатизация мирового сообщества в конце XX – начале XXI вв. оказала колоссальное и многогранное влияние на множество аспектов человеческой деятельности (особенно в сферах экономики, политики, культуры, науки и образования) и привела к формированию *глобального информационного пространства*.

Термин «глобальное информационное пространство» получил широкое распространение в социальных науках на рубеже двух веков вследствие интенсивного внедрения новейших достижений информационно-технологической революции в общественную практику во многих странах мира. В зарубежных исследованиях и многих международных документах по этой актуальной проблеме названное понятие используется в более узком значении и фигурирует чаще всего как «глобальное киберпространство» (global cyberspace). В наше время большинство исследователей роли информационно-коммуникационных технологий в жизни мирового сообщества рассматривают *глобальное информационное пространство* как совокупность информационных ресурсов и инфраструктур, которые составляют государственные и межгосударственные компьютерные сети, телекоммуникационные системы и сети общего пользования, иные трансграничные каналы передачи информации.

К *информационным ресурсам (ИР)* относятся текстовые документы, базы данных, неподвижные и движущиеся изображения, звуковые и графические материалы, программное обеспечение и веб-страницы. В свете глобализационных процессов, ставших возможными благодаря диффузии ИКТ, накопленные информационные ресурсы можно рассматривать как мировые. Объединение их в единое информационное пространство происходит посредством *информационно-коммуникационной инфраструктуры (ИКИ)*. Она представляет собой совокупность территориально распределенных государственных и корпоративных информационных систем, линий связи, сетей и каналов передачи данных, средств коммутации и управления информационными потоками. Для обеспечения эффективного функционирования ИКИ нужны соответствующие организационные структуры, правовые и нормативные механизмы.

Со становлением «общества, основанного на знаниях» и выделением информационного сектора в мировой экономике тесно связано возникновение и развитие *информационной индустрии (ИИ) или индустрии ИКТ* – непосредственного производителя различного типа информационных ресурсов. Современная библиотека является одной из составляющих этой индустрии, выполняя важнейшие функции хранения и обработки ИР, производства и предоставления информационных продуктов и услуг. Никогда ранее библиотека не рассматривалась как производственная система. Ее становление в качестве массового и самостоятельного вида деятельности стало возможным с внедрением в библиотечную практику ИКТ. Процесс информатизации библиотек в наши дни характеризуется активной компьютеризацией, внедрением автоматизированных информационно-библиотечных систем и использованием современных средств коммуникации для обработки и предоставления информации. Важным этапом в его развитии является создание корпоративных библиотечных систем. Это требует решения задач информационной, лингвистической, программной и технической совместимости автоматизированных информационно-библиотечных систем в деле интеграции и использования общих информационных ресурсов [2].

Состояние ИР и ИКИ на локальном, национальном и региональном уровнях оказывают решающее воздействие на формирование глобального информационного пространства. Однако на пути его формирования стоит множество препятствий, одним из которых является проблема неравного доступа как к информационным, так и к коммуникационным ресурсам. Современные процессы глобализации, которая рассматривается сегодня большинством социологов как постепенно возрастающая взаимосвязь и взаимозависимость всех аспектов общественной и хозяйственной жизни в планетарном масштабе [3], на практике оказываются далеко не такого планетарного масштаба, как пишут о них многие западные и отечественные адепты глобализации. Информационно-технологическая революция действительно позволила связать многие регионы планеты, «сжимая пространство и время». Однако утверждения «гиперглобалистов» о том, что глобализация якобы ведет к «выравниванию» мира [4] и преодолению его традиционного деления на «центр» и «периферию», не имеют ничего общего с действительностью асимметричного развития современного мира, в том числе, и в «цифровом» отношении.

Одной из основных причин «цифровой» асимметрии служит коммерциализация и монополизация информационных продуктов и услуг. Исследование динамики мирового рынка ИКТ, опубликованное в прошлом году на страницах журнала «Political Affairs», наглядно показывает, кто занимает монопольное положение в этой области. Из 250 фирм, венчающих иерархическую пирамиду информационного бизнеса в 34 странах, по данным на 2002 г., 150 (60%) принадлежали США и 42 (17%) – Японии. Даже с учетом того, что за 2002–2005 гг. эти цифры несколько изменились за счет выхода на глобальный рынок новых игроков, США и Япония сохранили за

собой лидирующие позиции – 116 (46%) и 39 (16%) соответственно [5]. «Цифровое» неравенство отчетливо прослеживается как между развитыми и развивающимися странами, так и внутри и первых, и вторых, но больше всего страдают от него инфобедные страны.

Западные страны, раньше других ставшие на путь постиндустриального развития, не только монополизировали производство ИКТ, но и сделали их своей интеллектуальной собственностью. С одной стороны, это лишает возможности не только страны «третьего мира», но и страны с «переходной экономикой» копировать и имитировать инновации в области ИКТ. С другой, эти страны не могут самостоятельно финансировать всю «инновационную цепочку» производства новых изделий и программ и предоставления услуг ИКТ в этой сфере. Концентрация основных компонентов индустрии ИКТ в руках «клуба избранных» в мире «high tech» позволяет ему диктовать свои цены на ИКТ на глобальном информационном рынке, что ведет к усилению «цифровой асимметрии» и влечет за собой расширение зависимости стран «третьего мира» от западных информационных потоков.

Для сокращения своего отставания в информационной области многие бедные страны вкладывают сегодня в приобретение и внедрение ИКТ намного больше средств (в процентном отношении), чем богатые страны. Но эти капиталовложения несопоставимы с расходами стран «золотого миллиарда» на те же цели вследствие несопоставимости их ВВП. Например, инвестиции и расходы развитого мира на приобретение средств коммуникации и ИКТ в 1995–2002 гг. в абсолютном выражении более чем в 43 раза превышали затраты всех стран Африки южнее Сахары вместе взятых, с той же целью [6]. Кроме того, для преодоления «цифрового разрыва» у большинства развивающихся стран нет ни материальных, ни финансовых и информационных ресурсов, а также необходимого человеческого и интеллектуального капитала. Это обрекает их на роль вечных импортеров ИКТ с маркой «Сделано на Западе». Поскольку вывозимые ими сырье и полуфабрикаты стоят дешево, а ввозимые изделия, в том числе ИКТ, – дорого, «ножницы цен» стали серьезным барьером на пути к информатизации стран «третьего мира».

«Доступ к информации является чрезвычайно важным, – отмечает известный венгерский экономист, академик Т. Сентес. – Неравное положение стран в этом отношении, а также в том, какие данные, как быстро и откуда могут они их получить, имеет далеко идущие последствия. Страны (такие, как большинство развивающихся стран), преимущественно только получающие информацию, но почти не отправляющие ее за границу, конечно же, страдают от *дефицита* в международном балансе этих услуг. *Стоимость* иностранных информационных и телекоммуникационных услуг, а также данных, получаемых из-за рубежа, может быть в зависимости от степени монополизации этих услуг очень высокой» [7].

Для преодоления «цифрового» разрыва как в глобальном информационном пространстве, так и внутри стран Запада и Востока, Севера и Юга необходимо прежде всего выявить главные причины «цифровой»

асимметрии. С точки зрения проведения социологических исследований в этом направлении, по нашему мнению, заслуживают особого внимания предложения канадского профессора К. Кунео. Он выделяет *12 теоретических перспектив или показателей* современного цифрового неравенства, характеристика которых дает общее представление о сути этой острой проблемы [8]:

Цифровая демография отражает абсолютное количество и процентную долю населения мира, имеющего доступ к ИКТ и Интернету. Она определяется подсчетом численности компьютеров; людей, имеющих доступ к компьютерам; связей между компьютерами. Сравнение динамики этой триады в определенных временных рамках дает возможность судить о росте, стагнации или снижения использования Интернета на глобальном уровне.

Географический показатель дает представление о том, кто «контролирует» содержание Интернета (хосты, доменные имена, серверы) и кто «потребляет» его содержание (индивидуальные пользователи или клиенты) в географических или политико-локальных пространствах (в селах, городах, районах, областях, странах, регионах) на глобально-локальном уровне.

Геронтологический индикатор характеризует использование Интернета различными возрастными группами (подростками, молодежью, экономически активной частью населения, пенсионерами).

Гендерный показатель определяет соотношение мужчин и женщин среди пользователей Всемирной паутины.

Психологический показатель отражает степень использования Интернета индивидами с высоким уровнем самоуверенности и, наоборот, с высоким уровнем боязни компьютерных технологий, т.е. страдающих «компьютеробией», «технообией» и «технострессом».

Образовательный показатель дифференцирует общий состав пользователей Интернета в зависимости от их образовательного уровня.

Экономический индикатор отражает зависимость доступа к Интернету от объема ВВП страны в расчете на душу населения и размера индивидуального или семейного дохода.

Социологический показатель учитывает профессиональную стратификацию пользователей Интернета и коммуникации посредством компьютеров, а также род их занятости или деятельности, характеристику их рабочего места, семейное положение.

Трудовой индикатор охватывает два подхода к цифровому неравенству. Первый учитывает технологические умения на рабочих местах, второй – затраты на оплату труда в производстве компьютерных технологий и их периферии в контексте «международного разделения труда».

Культурный показатель рассматривает неравенство в доступе к Интернету в терминах этнической и расовой принадлежности, национальной дифференциации пользовательских практик, лингвистического разнообразия и культурного содержания компьютерной информации.

Показатель нетрудоспособности отражает ограничения в доступе к Интернету лиц с различными физическими и другими недостатками.

Политический индикатор определяет, во-первых, использование Интернета правительством для защиты, поддержания и укрепления своей политической власти, во-вторых, использование Интернета для выражения протеста против тех, кто обладает большей политической властью или полномочиями (правительства или корпорации). Как правило, это протесты «неимущих» или недовольных «имущих» против более привилегированных «имущих».

К сожалению, нам не представилось возможным провести масштабного исследования по проблеме доступа к ИР с использованием всех показателей К. Кунео в нашей стране. Однако анализ основных социальных индикаторов «информационного неравенства» на основании социологического мониторинга, проводимого Институтом социологии НАН Украины в последние годы, дает представление об уровне распространенности ИКТ и доступа к ним в Украине.

По данным на 2005 год, пользователем Интернета в Украине являлся лишь каждый двадцатый (5,1%) опрошенный (по данным государственной статистики, этот показатель чуть выше – 10%). Оценить преимущества электронной почты могли только 3,4% респондентов, а 80,7% вообще не имели потребности в обращении к Интернету. (Для сравнения отметим, что по данным ООН за 2002 г. в Норвегии показатель количества пользователей Всемирной сетью составлял 50,2%, США – 55,1%, Японии – 44,9%, Португалии – 19,4%, Финляндии – 50,9%, Эстонии – 32,8%).

Уровень пользования Интернетом в Украине значительно колеблется в зависимости от типа населенного пункта и подтверждает мировые закономерности концентрации и большего распространения Интернета в городах. Так, преобладающая часть украинского сегмента Интернета – 59,8% всех пользователей – сосредоточена в больших городах. Относительное количество пользователей Интернета в Киеве составляет 16,8%, в городах с населением более 250 тыс. чел. – 6,1%, в сельской местности – 1,6%. Среди современных ИКТ сравнительно высокими темпами развивается сфера услуг мобильной связи, однако на начало 2005 г. численность респондентов, пользовавшихся ею на протяжении 30 дней перед опросом (30,4%), не достигала и трети опрошенных.

Основными факторами, которые препятствуют развитию Интернета в Украине, являются неудовлетворительный по современным требованиям уровень компьютерной грамотности и малообеспеченность преобладающей части населения. О низком уровне компьютерной грамотности населения свидетельствует тот факт, что только 6,8% опрошенных постоянно используют компьютер в работе, тогда как 70,6% респондентов с ним вообще незнакомы. Количество респондентов, которые уже имеют компьютер (12,7%) и пользуются услугами Интернета (3,4%) дома значительно меньше тех, кто не имеет возможности пользоваться этими благами – 41,3% и 9,3% соответственно.

Показатели компьютерной грамотности и пользования Интернетом улучшаются со снижением возраста и ростом уровня образования респондентов. Однако больше трети опрошенных представителей молодежи не имели опыта работы с компьютером. Это может привести к их исключению из рынка труда в будущем, ведь компьютерная грамотность – один из важнейших факторов профессиональной конкурентоспособности. Наибольший же уровень пользования Интернетом на работе (16,5%) был зафиксирован в подгруппе респондентов с высшим образованием. И всего лишь 7% опрошенных пользуются услугами библиотек.

Здесь нужно отметить, что Украина в 2005 г. в мировом рейтинге электронной готовности (UNDP) заняла 57 место. По рейтингу конкурентоспособности (Мировой экономической форум) – 86 место, по готовности использовать Интернет – 82 место. При этом она занимает 4 место (после США, Индии и России) по количеству дипломированных программистов. Эти показатели свидетельствуют о том, насколько остро перед украинским обществом стоит проблема преодоления «цифрового» отставания в свете перспектив его интеграции в глобальное информационное пространство. Решение данной проблемы возможно только на основе структурной перестройки народного хозяйства, повышения эффективности экономики и жизненного уровня населения. Это требует восстановления отечественной электронной промышленности, целенаправленного вложения значительных инвестиций в развитие информационной инфраструктуры и человеческого капитал (на локальном уровне) и принципиальной смены «правил игры» (на глобальном).

Таким образом, решение проблемы доступа к мировым хранилищам знаний тесно связано с решением сложных технологических, социально-экономических, политических, культурных и иных проблем, во многом общих для всех стран СНГ. Объединение наших усилий в деле рационального использования и совершенствования имеющихся ИР, вне всякого сомнения, могло бы внести позитивный вклад в их решение.

Литература

1. **Koster, F.** Globalization, Social Structure, and the Willingness to help Others: a Multilevel Analysis Across 26 Countries / F. Koster // *European Sociological Review*. – 2007. – Vol. 23, No. 4. – P. 540.
2. **Дрешер, Ю.Н.** Организация информационного производства / Ю.Н. Дрешер. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2005. – С. 36–38.
3. **Jones, A.** Dictionary of Globalization. – Cambridge, 2006. – P. 112–114.
4. См. например: **Фридман, Т.** Плоский мир: Краткая история XXI века / Томас Фридман; пер. с англ. Л. Колопотина. – М., 2006.
5. **Chandrasekhar, C.P.** How Global is the IT Industry? / C.P. Chandrasekhar // *Political Affairs*. – 2006. – September-October. – <http://www.politicalaffairs.net/article/articleview/4276/1/216>

6. Рассчитано по: E-Development: From Excitement to Effectiveness. Global Information and Communication Technologies Department. Edited by Robert Schware. Prepared for the World Summit on the Information Society Tunis, November 2005 – Washington, D.C.: World Bank, 2005. – P. 4.

7. *Szentes T.* World Economics 2: The Political Economy of Development Globalisation and System Transformation (The Political Economy of Underdevelopment Revisited) / T. Szentes. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 2003.

8. *Cuneo C.* Globalized and localized digital divides along the information highway: a fragile synthesis across bridges, ramps, cloverleaves, and ladders / C. Cuneo //The 33-rd Annual Sorokin Lecture. – 2002. – January 31.